

Киплинг

2-8 Маугли книга джунглей Чудо Пурун Бхагата

Однажды в Индии жил человек, был он первым министром одного из полунезависимых туземных государств, которое лежало в северо-западной части страны. Он был брамин такой высокой касты, что касты потеряли для него какое-либо значение. В своё время отец его занимал очень важное положение при том же пестрившем разноцветной мишурой, тогда ещё старозаветном, индусском дворе. Однако когда Пурун Дасс вырос и развился, он начал чувствовать, что прежний порядок вещей начинает изменяться; что человек, который желает преуспевать, должен находиться в хороших отношениях с англичанами и подражать всему, что они считают необходимым. В то же самое время он знал, что туземному сановнику следует сохранять милость своего собственного господина. Это была трудная игра; тем не менее хладнокровный, молчаливый молодой брамин, получивший английское образование в бомбейском университете, вёл её умно и, шаг за шагом, поднялся до положения первого министра маленького государства. Иначе говоря, в его руках сосредоточилось больше реальной власти, нежели было у его господина махараджа.

Когда старый властитель, относившийся подозрительно к англичанам с их железными дорогами и телеграфами, умер, Пурун Дасс получил большое влияние на его молодого преемника, воспитанного англичанином; они вместе – впрочем, Пурун Дасс всегда старался, чтобы всё приписывалось махарадже, – устроили школы для маленьких девочек, проложили дороги, завели государственные склады и выставки земледельческих орудий и стали издавать ежегодные синие книги о «Моральном и материальном прогрессе государства». Министерство иностранных дел и правительство Индии были в восторге. Очень немногие туземные государства принимают в полном объёме английский прогресс, не веря, как верил Пурун Дасс (и на деле доказал это), что всё пригодное для англичанина вдвое пригоднее для азиата. Первый министр скоро сделался высокочтимым другом вице-короля, губернаторов, заместителей губернаторов, докторов и миссионеров, отлично ездящих верхом английских офицеров, которые приезжали, чтобы поохотиться в государственных заповедниках; он нравился также всем ордам туристов, наполнявших Индию в холодную погоду. В свободное время Пурун Дасс давал людям средства для изучения медицины и различных ремёсел, строго держась английских образцов, а также писал статьи в самую распространённую в Индии газету «Пионер» и в этих статьях объяснял цели и стремления своего господина.

Наконец Пурун Дасс поехал в Англию и, по возвращении, был принуждён уплатить огромную сумму жрецам, потому что даже брамин такой высокой касты, к какой он принадлежал, теряет свои права, переплыв через море. В Лондоне Пурун Дасс познакомился со всеми, с кем стоило познакомиться, с людьми, имена которых гремят по свету, подолгу беседовал с ними и видел гораздо больше, чем потом говорил. Многие университеты поднесли ему почётные учёные степени; он произносил речи и рассказывал об индусской социальной реформе английским леди в вечерних туалетах, так что в конце концов весь Лондон закричал: «С тех пор, как столы начали покрываться скатертями, с нами никогда не обедал такой очаровательный человек!»

Когда Пурун Дасс вернулся в Индию, он принёс с собой сияние славы; сам вице-король специально приехал в маленькое государство с целью возложить на магараджу орден Большого Креста Звезды Индии, весь покрытый бриллиантами, рубинами и эмалью; во время этой же церемонии, под грохот пушечных выстрелов, Пурун Дасса сделали рыцарем-командором ордена Индийской империи, и с тех пор его имя стало сэра Пурун Дасса Р. К. И. И.

В этот вечер за обедом в большом парадном шатре вице-короля он поднялся во весь рост и, украшенный медалью с цепью ордена, отвечая на тост в честь своего господина, сказал такую речь, которую могли бы затмить немногие англичане.

Прошёл месяц; в город вернулся обычный зной и покой, и Пурун Дасс поступил так, как никогда не вздумалось бы поступить ни одному англичанину: он отошёл от мирских дел. Его осыпанный драгоценностями командорский орден вернулся к индийскому правительству, все дела перешли в руки нового первого министра, и почта принялась работать, давая дело всем своим отделениям. Жрецы знали, что случилось; народ угадывал, но Индия такое место, где человек может поступать как ему угодно и никто не станет спрашивать почему. Никто не нашёл ничего необыкновенного в том, что сэра Пурун Дасс покинул высокий пост, дворец, власть, взамен взяв в руки чашу нищего и накинув на себя жёлтую одежду саньяди (монаха). По правилам древнего закона он пробыл двадцать лет юношей; двадцать лет воителем, хотя никогда в жизни не носил меча, и двадцать лет главой дома. Он употреблял своё богатство и своё могущество на то, что считал нужным; принимал почести, когда они встречались на его пути; на родине и на чужбине познакомился с людьми и городами, и люди и города чтити его. Теперь он сбросил с себя всё это, как человек сбрасывает плащ, который ему больше не нужен.

Он вышел из городских ворот, унося под мышкой шкуру антилопы, посох с окованной медью рукояткой, держа в руке нищенскую чашу из прочного полированного коричневого морского кокоса, босоногий, одинокий, опустив глаза к земле. Между тем позади него с бастионов раздались выстрелы, салюты в честь его счастливого преемника. Пурун Дасс кивнул головой. Вся «эта» жизнь окончилась для него, но при мысли о прошлом в нём не шевелилось ни злого, ни доброго чувства, как у человека не остаётся никакого впечатления от бесцветного ночного сновидения. Он был теперь саньяди, бездомный бродячий нищий, и его насущный дневной хлеб зависел от милости других людей. Но пока в Индии есть кусок съестного, который один человек может разделить с другим, никакой монах или нищий не умрёт с голоду. Пурун Дасс никогда в жизни не пробовал мяса, даже рыбу ел редко. Пятифунтовая кредитка покрывала бы его личный годовой расход на еду в те времена, когда он был единовластным распорядителем миллионных богатств. Уже во дни своего блестящего пребывания в Лондоне Пурун Дасс лелеял мечту о мире и спокойствии; в его уме рисовалась длинная, белая, пыльная дорога, вся покрытая следами босых ног; он мысленно видел непрерывное медленное движение по ней и чувствовал резкий запах древесного дыма, в сумраке волнующего из-под фиговых деревьев, оттуда, где путники садятся ужинать.

Когда наступила пора осуществить эту мечту, первый министр сделал все необходимые шаги, и через три дня вам было бы легче отыскать пузырёк воздуха в широком водовороте Атлантики, нежели Пурун Дасса среди бродячих, встречающихся и расстающихся, миллионов индусов.

Ночью он расстилал на земле кожу антилопы там, где его заставала темнота: на обочине дороги, в монастыре саньяди, подле сделанного из глины святилища Кала Пир, где йоги, другое мистическое общество святых людей, принимали его, как делают все знающие, что обозначают касты и отделы монахов, иногда на краю какой-нибудь индусской деревушки, куда прибегали дети с пищей, приготовленной их родителями, иногда же близ пастбищ, где отсвет от его костра будил дремлющих верблюдов. Пурун Дассу, или Пурун Бхагату, как он теперь называл себя, было всё равно, где отдыхать. Земля, люди и пища – всё стало для него безразлично. Тем не менее ноги Пуруна бессознательно несли его к северу и востоку, с юга к Рохтаку, от Рохтака – к Курнулю, от Курнуля – к разрушенному Саманаху, потом – вверх по иссохшему руслу реки Гуггир, которое наполняется только, когда с вершин текут дождевые потоки. И вот он увидел отдалённую линию высоких Гималайских гор.

Пурун Бхагат улыбнулся; он вспомнил, что его мать была браминкой из Кулу – уроженка гор, вечно тосковавшая по снежным вершинам, и мысленно сказал себе, что несколько капель крови горцев в конце концов влекут человека к горной стране.

– Там, – сказал Пурун Бхагат, поднимаясь на нижние склоны гор, где стояли кактусы, похожие на семисвечные светильники, – там я останусь и ко мне придёт знание.

Прохладный гималайский ветер свистел в его ушах, пока он шёл по дороге, ведущей к Симле.

В последний раз он ехал по этой дороге с бряцающим кавалерийским эскортом, направляясь к самому кроткому и самому приветливому из вице-королей. Они целый час толковали вдвоём о лондонских общих друзьях и о настроениях простонародья Индии. Теперь же Пурун Бхагат никого не навещал. Вот он остановился и стал смотреть на красивые низины, которые раскинулись под ним; наконец, туземный полицейский-магометанин сказал ему, что он мешает движению по дороге, и Пурун Бхагат почтительно повиновался закону, так как

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

хорошо знал его значение, и теперь сам отыскивал для себя новые собственные законы. Он двинулся дальше, и эту ночь спал в пустой хижине на Чета Симла, которая кажется границей мира. Однако его путешествие только что началось.

Пурун Бхагат пошёл по гималайско-тибетскому пути, по маленькой десятифутовой дороге, взрывами проделанной в крепкой скале или поднимающейся на деревянных подпорках над пропастями глубиной в тысячу футов. Она то спускается в тёплые, влажные, защищённые от ветра долины, то вьётся через покрытые травой или обнажённые отроги гор, которые солнце раскаляет словно сквозь зажигательное стекло; то бежит через тёмные росистые леса, где стоят древесные папоротники, снизу доверху одетые листьями, а фазан призывает свою подругу. Пурун Дасс встречал тибетских пастухов с собаками и стадами овец, из которых каждая несла на спине маленький мешок с бурой; встречал он также бродячих дровосеков, идущих в Индию на богомолье тибетских лам, в плащах и пледах; посольства мелких уединённых горных государств, мчащиеся на пегих и смелых лошадаках; или едущего к соседу раджу с его свитой. Иногда же в течение долгого ясного дня замечал, только далеко от себя, внизу, чёрного медведя, который, крихтя, вырывал корни из земли. Когда Бхагат двинулся в путь, в его ушах ещё отдавался гул покинутого им мира; так туннель долго гудит после того, как поезд уже вышел из него. Но после горного прохода Муттианы всё кончилось; путник остался наедине с собой; он шёл, размышлял и думал; его глаза смотрели в землю, мысль улетала за облака.

Раз вечером Пурун Бхагат достиг такого высокого горного прохода, каких до тех пор ещё не встречал; подниматься к нему пришлось два дня, и он увидел ряд снежных вершин, закрывавших весь горизонт. Это были горы от пятнадцати до двадцати тысяч футов высотой; они, казалось, стояли так близко, что в них можно было бы попасть брошенным камнем, тогда как по-настоящему находились на расстоянии пятидесяти или шестидесяти миль от Пуруна. Проход был увенчан густым тёмным лесом из деодаров, грецких орешин, диких вишен, диких маслин и диких груш; но больше всего было деодаров, то есть гималайских кедров. И в тени стояло покинутое святилище богини Кали, она же Дурга, она же Ситала, и ей иногда поклоняются, как защитнице от осы.

Пурун Дасс подмёл пол маленького храма, улыбнулся широко усмехавшейся статуе, в глубине храма устроил из глины небольшой очаг, положил кожу антилопы на ложе из свежих сосновых игл, взял свой бераджи (посох с медной рукояткой) под мышку и сел отдохнуть.

Под ним начинался чистый горный откос, спускавшийся на тысячу пятьсот футов; маленькая деревня из домов с каменными стенами и с крышами из битой глины лепилась по склону, а кругом этого посёлка лежали расположенные террасами поля, которые пестрели, точно передник, составленный из лоскутов материи, на коленях горы; коровы, казавшиеся не крупнее жуков, щипали траву между гладкими каменными кольцами молотильных площадок. Расстояние искажало размеры предметов, и человек не сразу понимал, что низкие кусты на противоположной горе, в сущности, лес из стофутовых сосен.

Пурун Бхагат видел, как над исполинской впадиной пронёсся орёл и как огромная птица превратилась в точку, ещё не достигнув половины низины. Вот над равниной протянулось несколько отдельных облаков; одни из них зацепились за плечи гор, другие поднялись, поравнялись с верхней точкой прохода и растаяли.

– Здесь я найду покой! – прошептал Пурун Бхагат.

Надо сказать, что житель гор без труда проходит несколько сотен футов вверх и вниз; поэтому, едва в деревне завидели дым над покинутым святилищем, сельский жрец взобрался по террасам горного откоса, чтобы приветствовать пришельца.

Когда он встретил взгляд Пурун Бхагата – взгляд человека, который привык управлять тысячными толпами, – он склонился до земли, безмолвно взял его нищенскую чашу, вернулся обратно в деревню и сказал:

– Наконец-то и у нас есть свой святой. Никогда не видывал я подобного человека. Он уроженец низин, но со светлой кожей. Он брамин из браминов.

Все деревенские хозяйки в один голос спросили:

– Как ты думаешь, он останется с нами?

И каждая принялась готовить вкусное кушанье для Бхагата. Пища горцев очень проста, но из гречихи, индийской ржи, риса, красного перца и мелких рыбок, пойманных в потоке долины, из мёда, взятого из сот, устроенных в каменных оградах, с прибавкой сушёных абрикосов, дикого имбиря и овсяных лепёшек благочестивая женщина может приготовить отличные вещи, и жрец отнёс Бхагату полную чашу.

– Останется ли он? – спросил жрец, – нужен ли ему чела (ученик), который молился бы за него? Есть ли у него байковое одеяло для защиты от холода? Вкусна ли была присланная пища?

Пурун Бхагат поел и поблагодарил. Да. Он намеревался остаться.

– Этого достаточно, – сказал жрец. – Пусть он ставит свою нищенскую чашу вне святилища, во впадине, образованной вот этими двумя извивающимися корнями, и тогда Бхагат будет ежедневно получать пищу, потому что деревня считает для себя честью, что такой человек, – жрец застенчиво посмотрел на Бхагата, – остаётся среди них.

С этого дня окончились странствия Пурун Бхагата. Он отыскал место, предназначенное ему; нашёл тишину и широкий простор. И время остановилось. Сидя при входе в маленький храм, Бхагат не мог бы сказать, жив он или умер; человек ли он, владеющий своими руками и ногами, или часть гор, облаков, ливня и солнечного света. Он тихо повторял про себя одно имя, повторял многие сотни раз и, наконец, при каждом новом повторении ему стало казаться, что он всё больше и больше отделяется от своего тела и двигается к дверям великого и страшного открытия; но как раз в то мгновение, когда двери начинали открываться, тело увлекло его обратно, и он с печалью ощущал, что плоть и кости Пурун Бхагата держат его в своих оковах.

Каждое утро полная чаша бесшумно ставилась в переплетении корней подле стены маленького святилища. Иногда её приносил жрец; иногда купец, живший в деревне и желавший заслужить милость неба, поднимался к святилищу Кали; чаще же всего чашу приносила женщина, приготовившая кушанье накануне вечером; опуская её, она еле слышным шёпотом просила: «Скажи обо мне богам, Бхагат. Заступись за такую-то жену такого-то!» Время от времени эту честь доверяли какому-нибудь смелому мальчику, и Пурун Бхагат слышал, как ребёнок поспешно ставил чашу и убежал во всю силу своих маленьких ног. Сам же Бхагат никогда не спускался в деревню. Точно карта лежала она у его ног. Он мог видеть вечерние собрания людей на молотильных площадках, которые представляли собой единственные плоскости; видел чудесный, непередаваемый зелёный оттенок молодого риса, синеву индийской ржи, четырёхугольные пятна пшеницы, а в своё время красные цветы амарантов, крошечные семена которых – не то зёрнышки, не то пыль – представляют собой пищу, дозволенную индусу во время постов.

Когда лето сменялось осенью, крыши хижин превращались в маленькие квадраты из чистейшего золота, потому что земледельцы сушили на них свой хлеб. Сбор мёда и жатва риса, посевы и уборка полей – всё происходило перед его глазами, как бы вышитое, там внизу, на многоугольных участках; он думал о происходящем и спрашивал себя:

– К чему это всё приведёт в конце концов?

Даже в населённой части Индии человек не может целый день просидеть неподвижно без того, чтобы к нему не прибежали дикие существа, так бесстрашно, точно он скала; а в этой глуши животные, хорошо знавшие святилище Кали, очень скоро вернулись посмотреть на незваного гостя. Прежде всех, конечно, пришли лангуры, крупные гималайские обезьяны с серыми бакенбардами. Их переполняло любопытство. Они вытащили нищенскую чашу, покатали её по полу, попробовали силу своих зубов на медной отделке посоха, состроили

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

гримасы антилоповой шкуре и решили, что сидевшее неподвижно человеческое существо не опасно. По вечерам они стали соскакивать с веток сосен и, протягивая руки, просить пищи, а потом грациозными прыжками бросались назад. Им также нравилась теплота огня, и они так теснились к очагу, что Пурун Бхагату приходилось расталкивать их, чтобы подбросить дрова в огонь; утром он зачастую видел, что мохнатая обезьяна спала под его тёплым одеялом. Целый день то одна, то другая из племени обезьян сидела рядом с ним, глядя на далёкие снега, и нежно ворковала с неописуемо мудрым и печальным видом.

После обезьян пришёл баразинг, большой гималайский олень, похожий на нашего рыжего оленя, но крупнее и сильнее его. Он намеревался соскрести бархатистый покров со своих рогов о холодные камни статуи Кали и, завидев в храмике человека, сердито топнул ногой. Пурун Бхагат не пошевелился, и мало-помалу царственное создание сделало шаг вперёд и обнюхало плечо отшельника. Пурун Бхагат провёл одной своей прохладной рукой по горячим разветвлениям рога оленя, и это прикосновение успокоило раздражённого баразинга; он наклонил голову, и Пурун Бхагат очень нежно соскрёб с его рогов бархат. Позже баразинг стал приводить к нему свою лань и детёныша, кротких созданий, жевавших одеяло святого. Иногда он вечером приходил один, чтобы получить свою долю свежих грецких орехов, и в ответе костра его глаза казались зелёными. Наконец, пришла кабарга, самое робкое и чуть ли не самое мелкое животное из всех оленюков, и взглянула на Пурун Бхагата, насторожив свои большие, как у кролика, уши; даже молчаливый пятнистый «мушик набха» явился узнать, что обозначает свет в храме, и опустил свой нос, напоминавший нос лося, на колени Пурун Бхагата, то подступая к нему, то отступая к двери, вместе с тенями, качавшимися от пламени очага. Пурун Бхагат называл их всех «мои братья», и его тихий призыв: «бхай, бхай», заставлял животных в полдень выходить из леса, если только они были на таком расстоянии, что могли слышать голос отшельника. Гималайский чёрный медведь, капризный и подозрительный Сона, под подбородком которого виднеется белый знак в виде латинского V, не раз прокрадывался мимо святилища Кали. Бхагат не выказывал страха, поэтому и Сона не выражал гнева, но наблюдал за отшельником; наконец, он подошёл к Бхагату и потребовал от него своей доли ласки, хлеба или диких ягод. Очень часто, когда на небе разливалась тихая заря, Бхагат взбирался на верхний гребень утёса горного прохода, чтобы наблюдать, как пробуждённый красный свет бежит вдоль снежных вершин, и видел, что Сона, волоча свои ноги и пофыркивая, идёт по его следам, просовывает любопытную переднюю лапу под лежащие стволы и с нетерпеливым «вуф» вынимает её обратно. Иногда ранние блуждания Бхагата будили Сону, славшего где-нибудь свернувшись клубком, и большой зверь поднимался на задние лапы, собираясь начать бой, но, слыша голос отшельника, понимал, что перед ним его лучший друг.

Почти про всех пустынных монахов, живущих вдали от больших городов, рассказывают, что они могут совершать чудеса с дикими зверями, но для такого чуда нужно только, чтобы человек молчал, никогда не делал ни одного резкого движения и долгое время не смотрел в глаза своего дикого посетителя. Жители деревни видели смутный силуэт баразинга, который, точно тень, проходил в тёмном лесу подле святилища Кали; видели, что минол, гималайский фазан, в своём лучшем оперении сверкал перед статуей Кали, а внутри храмика лангуры, сидя на корточках, играли скорлупой грецких орехов. Многие дети слышали, как Сона, по обыкновению медведей, пел про себя свою песенку, где-то среди обвалившихся камней, и за Бхагатом упрочилась слава творителя чудес.

Между тем он не думал о совершении чудес. Он считал, что всё в мире – одно великое чудо, и что человек, знающий это, обрёл некоторую мудрость. Он твёрдо верил, что во всей вселенной нет ничего великого и ничего ничтожного, и день и ночь стремился постичь сущность вещей и вернуться туда, откуда явилась его душа.

Так он думал; его волосы отросли и теперь падали на плечи; в том месте каменной плиты, подле края антилоповой шкуры, где вечно стоял посох Бхагата, образовалась ямка, а то место между корнями деревьев, где день изо дня оставалась нищенская чаша, углублялось и стало почти таким же отполированным, как и сам сосуд; каждое животное знало своё определённое место подле очага. По мере изменения времён года, меняли окраску и поля внизу; молотильные площадки наполнялись, пустели и наполнялись снова; с наступлением зимы лангуры сновали между ветвями, припущёнными лёгким снегом, а весной матери обезьяны приносили с собой из тёплых долин своих маленьких детёнышей с печальными глазками. В деревне произошло мало перемен. Священник постарел, многие из детей, приходивших к Бхагату с нищенской чашей, теперь посылали к нему своих собственных детей, а когда кто-либо спрашивал жителей деревни, давно ли их святой живёт в святилище Кали близ горного прохода, они отвечали: «Всегда жил».

Вот наступили такие летние дожди, каких много-много лет не видали в горах. Целых три месяца долину окутывали тучи и наполненный влагой туман; постоянный неумолимый дождь прерывался ливнем с грозой, и по окончании одной грозы налетала другая. Святилище Кали по большей части оставалось над тучами, и однажды Бхагат целый месяц ни разу не видел своей деревни. Она скрывалась под белым покровом, который качался, шевелился, клубился, вздымался в виде арки, но не срывался со своих устоев – облитых потоками дождя утёсов.

Всё это время Бхагат слышал только шум миллиона капель воды: она лилась с деревьев, бежала под его ногами по земле, просачивалась сквозь хвою сосен, падала каплями с листочков промокших папоротников, неслась по вновь прорытым мутным руслам. Потом вышло солнце и разлился аромат деодаров и рододендронов; в воздухе чувствовался также чистый запах, который горцы зовут «благоуханием снегов». Жаркое солнце светило неделю; после этого дожди собрались для последнего ливня, и с неба хлынули потоки воды, которые, ударяясь о землю, поднимали фонтаны грязи. В этот вечер Пурун Бхагат сложил в очаге большую грудку топлива; он был уверен, что его братьям понадобится теплота. Но ни одно животное не пришло в святилище, хотя он звал их, звал, пока не упал и не заснул, спрашивая себя, что же случилось в лесах?

Наступил самый тёмный час ночи; ливень барабанил, точно тысяча барабанов, и вот отшельник проснулся: кто-то дёргал его одеяло; протянув руку, он нащупал лапу лангура.

– Ага, здесь лучше, чем среди деревьев, – сонным голосом проговорил Пурун Бхагат и расправил складку своего одеяла. – Вот тебе, согрейся.

Обезьяна сжала его руку и резко дёрнула её.

– Значит, есть хочешь? – сказал Пурун Бхагат. – Подожди немного, я достану кушанье.

Когда он опустился на колени, чтобы подбросить в очаг топлива, лангур подбежал к выходу из маленького храма, промурлыкал что-то, снова подбежал к Бхагату и схватил его за колено.

– В чём дело? Что с тобой случилось, брат? – спросил Пурун, так как глаза лангура были полны мыслями, которых он не мог высказать. – Если только один из твоей касты не попал в ловушку (а здесь никто не ставит ловушек), я не выйду на воздух в такую погоду. Посмотри, брат, даже баразинг идёт сюда укрыться от дождя.

Рога оленя звякнули, когда он вошёл в святилище, звякнули, задев за усмехавшуюся статую Кали. Он наклонил их по направлению к Пурун Бхагату и стал тревожно бить о пол копытами, с шумом пропуская воздух через свои наполовину закрытые ноздри.

– Хаи! Хаи! Хаи! – сказал Бхагат, пощёлкивая пальцами. – Так-то ты благодаришь меня за ночной приют?

Но олень теснил его к двери; вдруг Пурун Бхагат услышал какой-то звук, похожий на вздох. Он взглянул по направлению звука; две плиты пола раздвинулись, а липкая земля под ними чмокнула.

– Понимаю, – сказал Пурун Бхагат, – и не порицаю моих братьев за то, что они сегодня не пришли к моему очагу. Гора рушится. А между тем, зачем мне уходить? – Глаза Бхагата заметили пустую нищенскую чашу, и выражение его лица изменилось. – Они приносили мне пищу каждый день с тех пор... с тех пор, как я пришёл сюда, и если я не потороплюсь, завтра в долине не останется ни души. Поистине, я должен спуститься и предупредить их. Отодвинься, брат! Пусти меня к очагу.

Пурун Бхагат опустил в пламя факел, вращая его, пока он не загорелся. Баразинг неохотно отступил. – Ага, вы пришли, чтобы предупредить меня, – выпрямляясь сказал Пурун Бхагат, – но мы сделаем ещё больше, ещё больше! Идём; дай мне твою шею, брат, потому

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

что у меня только две ноги.

Правой рукой Пурун обнял шершавую шею баразинга, вытянул левую, взял факел и вышел из маленького храма навстречу ужасной ночи. Не чувствовалось ни малейшего дуновения ветерка, но дождь чуть не залил пылающего факела, когда большой олень стал поспешно спускаться с откоса, скользя на задних ногах. Вот они вышли из леса; теперь и другие друзья Бхагата присоединились к ним. Он не мог видеть лангуров, но слышал, что они теснились вокруг; позади же раздавались «ух-ух» медведя Соны. Длинные белые волосы Бхагата слиплись от дождя и висели, точно верёвки; вода брызгала из-под его босых ног, а жёлтая одежда пристала к хрупкому старому телу отшельника, но он, не останавливаясь, спускался с горы. Теперь это не был больше святой, отшельник; в нём ожил сэр Пурун Дасс, первый министр немаловажного государства, человек, привыкший повелевать; и он шёл спасать жизни. По крутой скользкой тропинке они двигались все вместе, Бхагат и его братья; они шли всё ниже и ниже; наконец, копыта оленя споткнулись о стенку молотильной площадки, и он фыркнул, почуяв человека. Они остановились в начале кривой деревенской улицы, и Бхагат постучал своим посохом в забранные решёткой окна дома кузнеца; его факел осветил крышу.

– Вставайте и выходите из дома, – закричал Пурун Бхагат, и сам не узнал собственного голоса, потому что прошло много лет с тех пор, как он громко разговаривал с человеком. – Гора рухнет! Гора падает! Вставайте, выходите на улицу, о вы, спящие внутри!

– Это наш Бхагат, – сказала жена кузнеца. – Он стоит со своими зверями. – Возьми малюток и сзывай народ.

Весть побежала из дома в дом; дикие животные, сгрудившиеся в узком переулке, жались к Бхагату; Сона нетерпеливо отдувался.

Народ высыпал на улицу; в деревне было не более семидесяти душ. При свете факелов поселяне увидели своего Бхагата, который стоял, положив руку на спину дрожащего баразинга, в то время, как обезьяны жалобно тянули его за одежду, а Сона, осев на задние лапы, громко ревел.

– Бегите через долину и поднимитесь на первую же гору, на той стороне, – приказал Пурун Бхагат. – Никого не оставляйте здесь! Мы идём за вами.

И поселяне побежали, как умеют бегать только одни горцы. Каждый знал, что при оползании почвы необходимо взобраться как можно выше на откос горы с противоположной стороны долины. Они с плеском пробежали через маленькую реку; задышав стали подниматься по террасам полей на отдалённой окраине долины. Бхагат и его братья шли за ними. Выше и выше поднимались деревенские жители на противоположную гору и звали друг друга по именам; это была перекличка; а по их пятам с трудом двигался большой баразинг, отягчённый весом тела отшельника, сила которого убывала. Наконец, олень остановился под ветвями густых сосен на высоте пятисот футов от подножия горы. Инстинкт, который предупредил его о приближающемся оползании горы, теперь сказал, что в этом месте он в безопасности.

Пурун Бхагат, теряя сознание, опустился рядом с оленем; холодный дождь и трудный подъём убивали его; тем не менее он закричал по направлению рассеянных факелов:

– Остановитесь и пересчитайте, все ли здесь!

Увидав же, что огни собрались вместе, он шепнул оленю:

– Остайся со мною, брат. Остайся до... конца.

В воздухе пронёсся вздох, превратился в ропот, ропот сделался рёвом; рёв усилился и стал могучим звуком, по силе превосходившим всё доступное для слуха; горный откос, на котором стояли беглецы, погрузился в темноту и дрогнул. Потом низкий ровный звук, словно гул органной трубы, минут на пять поглотил остальные шумы, и каждый древесный ствол задрожал. Гул этот замер; звук дождя, падавшего на многие мили каменистой почвы и покрытое травой пространство, изменился; теперь капли глухо барабанили по рыхлой земле. Это поясняло всё.

Беглецы молчали; даже жрец не осмелился заговорить с Бхагатом, который спас их. Поселяне скорчились под соснами и не двигались до рассвета; когда же наступил день – взглянули через долину и увидели, что там, где был лес, террасы полей и прорезанные тропинками луга, появилось одно красное веерообразное пятно и на краю его несколько деревьев лежало вверх корнями.

Эта краснота поднималась высоко на гору, служившую для них пристанищем; она запрудила речку, которая начала разливаться, образуя озеро кирпичного цвета. От деревни, от дороги к маленькому храму, от самого святилища и леса позади него не осталось ни следа. Часть горы шириной в милю и в две тысячи футов глубиной свалилась, как отрезанная сверху донизу.

Беглецы один за другим шли через лес помолиться перед своим Бхагатом. Над ним стоял баразинг, но когда люди приблизились, олень убежал; в ветвях жалобно выли лангуры; где-то на горе стонал Сона; Бхагат, мёртвый, сидел, скрестив ноги, прислонясь спиной к дереву, с посохом под мышкой и обратив лицо к северо-востоку. Жрец сказал:

– Созерцайте чудо после чуда; потому что вот именно так должно погребать каждого саньяси. Там, где мы его видим теперь, мы выстроим храм в честь нашего святого.

Ещё не окончился год, когда они возвели над телом своего саньяси маленькое святилище из камней и глины. Окрестные жители называли эту гору – Гора Бхагата. Люди до сих пор приходят молиться в храм Бхагата и приносят с собой свечи, цветы и другие дары. Но никто из них не знает, что их святой – сэр Пурун Дасс – Р. К. И. И.; Д. Л.; Д. Ф. и так далее, бывший первый министр прогрессивного и просвещённого государства Мохинивала, бывший почётный член и член-корреспондент гораздо большего количества учёных обществ, чем это может принести пользу кому бы то ни было в нынешнем и в будущем мире.